

МОЙ
ПЕРВЫЙ РОМАН

АННА НИКОЛЬСКАЯ

Стучитесь
В
Дичку

ГЛАВА 1

РИДИКЮЛЬ ПОД МЫШКОЙ

Когда мне было пять лет, мы еще не в деревне жили, а в городе. На море. С родителями и бабой Лизой. Но это было уже давно, поэтому я море почти не помню — какое оно на ощупь и вообще.

Вон оно — за окошком, проплывает мимо. Интересно — обычно люди в море плавают, а тут море само. Это потому, что мы едем на поезде «Новосибирск — Анапа». Уже четвертые сутки, между прочим. Скоро приедем.

— Валя, хватит в окно таращиться! Займись каким-нибудь делом, — кричит мама.

Интересно, это каким?

Мама постоянно так, но я уже привыкла. Просто у нее голос громкий из-за работы. А со стороны кажется, что она все время злится. Незнакомые люди так думают.

Их в нашем купе двое. Хотя они вообще-то уже не знакомые. Мы с ними еще на вокзале в Новосибе познакомились. Петр Сергеевич помогал маме затаскивать чемода-

ны, а Карина угостила меня дамскими пальчиками.

Она очень красивая, Карина, в цветастом платье до пола. Не то, что я — с оладьей вместо лица. А у Карины глаза северного оленя. И волосы, когда она косу распускает, до самых пяток и еще чуть-чуть по полу! Карина даже снималась в одной рекламе шампуня, но там ее лица не видно — только волосы. Она королева эпизода.

А у Петра Сергеевича, наоборот, лысина — блестящая, как будто ее только что покрыли лаком. Я сразу заметила — еще когда он возился с нашими чемоданами. Хотя Петр Сергеевич тщательно ее камуфлирует — наискосок. Откашляется, поплюет на расческу и зачесывает, зачесывает — совсем как Жозефина, наш кот, когда умывается. Он тоже кашлял, особенно весной, если менялась погода.

А еще я заметила, что ему нравится мама. Не коту, конечно, а Петру Сергеевичу (Жозефина маму терпеть не мог — все время хватал ее зубами за щиколотки. Но он уже умер). Петр Сергеевич то и дело предлагает маме попробовать свою колбасу. Он, оказывается, мастер колбасных дел.

Но мама не любит колбасу. Она говорит, что порядочные люди ее не едят. И к мужчинам она тоже равнодушна.

Хотя у нас в деревне и мужчин-то поч-

ти нет. Даже в нашем с мамой классе — она у меня классная руководительница — всего один мальчик, Фрунзик Акопян. Да и тот меньше всех ростом. Зато девчонок целых девять. И так у нас в деревне везде. Демографический перекося, как мама выражается.

А кота нашего звали Жозефиной, потому что раньше мы думали, что он кошечка. Но нет, оказалось — наоборот. Прошлым летом Жозефина наелся каких-то жуков и умер.

Мы похоронили его в саду, под георгинами. Он же чисто сиамский, а не какой-нибудь.

Мама пьет кефир и морщится. Потому что Карина с Петром Сергеевичем купили у бабок на перроне пирожки с ливером и теперь их едят. А они же из собачатины! Но пахнут — здорово!

Пейзаж бежит наперегонки с поездом — ногами электрических столбов. От нечего делать я начинаю их считать, но потом бросаю.

Забираюсь на верхнюю полку, чтобы не нюхать пирожки, и рисую в альбоме бабу Лизу. *У нее на голове маленькая шляпа с вуалью — называется таблетка. Еще у Лизы кружевные перчатки и такой же зонтик — от солнца. А под мышкой ридикюль. Баба*

Лиза стоит на высоком берегу и удит рыбу...

— Эй, ты, там наверху! Пирожка пожуй! — улыбается мне снизу Карина. Она в больших наушниках и с ноутбуком на коленках.

— Ей нельзя, у нее несварение, — сочиняет на ходу мама.

Она на все пойдет, лишь бы я правильно питалась.

...У бабы Лизы блестящая красная удочка и такие же туфли на каблуках.

— Лиза, а где у тебя крючок? — Я ем теплые вишни из газетного кулька, а косточки выплевываю вниз, в море.

— А зачем мне крючок? На крючок только рыба ловится, — у бабушки такой вид, как у памятника — капитальный.

— А ты что ловишь? — удивляюсь я.

— Я — мечту.

— Ничего себе! А какую?

— Заветную, понятное дело. Подержи, — баба Лиза отдает мне удочку, а сама достаёт из ридикюля помаду и красит губы. Они у нее, как мои вишни — красные-красные.

— Вы, Мария Викторовна, где останавливаетесь? У частников? — спрашивает Петр Сергеевич. — А то я в «Жемчужине» ме-

стечко организую. Там трехразовое питание и фитобар. Чего вам с дочкой у частников ютиться?

— Спасибо, мы не у частников, — говорит мама.

— А где же? — снова интересуется Петр Сергеевич.

В вагоне душно и лысина у него вся мокрая. Он вытирает ее влажной антибактериальной салфеткой «Малыш».

— А я дикарем с палаткой, — говорит Карина. — Смотрела «Три плюс два»?

— Не-а. Тебе одной не страшно? — спрашиваю.

Хотя по Карине и так видно, что не страшно. Она вон какая бедовая — два раза была замужем!

— Вы, Мария Викторовна, зря отказываетесь, — продолжает Петр Сергеевич. — На процедуры походите, отдохнете. А девочку вашу можно воспитателям пристроить.

— Она вам что, щенок? — Брови у мамы начинают ходить ходуном. — Пристроить, надо же!

— Что вы! Вы меня не так поняли... — волнуется Петр Сергеевич.

Бедный. Просто он к маме за четыре дня еще не привык.

— Вы не волнуйтесь, — говорю я с верхней полки. — Мы с мамой домой едем, на постоянное место жительства.

СТУЧИТЕСЬ В ЛИЦКУ

— Валентина! — цыкает на меня мама.

— То есть, как это? — не понимает Петр Сергеевич.

— У нас там дом есть, — говорю. — Да. И папа тоже у нас там есть.

— Я что-то не понимаю... — лысина у Петра Сергеевича становится бордовой, как солнце за окном. — Что же вы мне голову тогда морочили?

— Перестаньте, — одергивает его мама. — Никто вам ничего не морочил. Напридумывали себе!

— Пошли, чего покажу, — говорит Карина и уводит меня из купе.

Мы стоим в тамбуре. Карина курит электронную сигарету.

— А что я такого сказала? — говорю я.

Со взрослыми почему-то всегда так. Соврешь — куча недовольства, а скажешь правду — вообще из штанов выпрыгивают.

— Проза жизни! — Карина выпускает пар изо рта. — Забудь!

Красиво.

Но вообще-то, это не совсем проза жизни.

Вообще-то, дома у нас с мамой пока нет. Мы его будем снимать. Вернее, даже поддома.

И папы у нас тоже нет.

— Подъезжаем, — говорит Карина, убирая сигарету. — Ты писать мне будешь, Валентина Батьковна? Я тебе электронку оставлю.

ГЛАВА 2

НЕОБЫЧНАЯ ЧЕРНОСЛИВИНА

Город встречал меня теплым объятием — такое ощущение, что меня не было здесь не восемь лет, а целых восемь жизней... Солнце, море, кипарисы кругом, а на фонарном столбе висит объявление, и ветер его колышет:

«Сдам жилье русской женщине с ребенком.
Дешево»

Нам это как раз подходило, и мы тоже как раз подходили. Просто на полдома нам чуть-чуть не хватало. Маму в школе сократили, поэтому.

Она бы никогда не согласилась вернуться в наш город, если бы не подвернулась работа. Ненужные воспоминания, как она объясняет. Маме позвонила подружка, тетя Вика Ботеева. Тетя Ботя, как я ее называю. Они раньше в одной школе с мамой работали. Тетя Ботя сказала, что маму там до сих пор любят и ждут.

Покажите! Покажите мне тех, кто до сих пор ее любит и ждет! Несчастные, несчастные люди.

А я не понимаю, как это — «ненужные воспоминания»? Особенно, если они про бабу Лизу. Папу я плохо помню — только его жесткую бороду с рыжинами. Потому что он все время ездил в командировки, и мы редко виделись. В этой бороде у него жил хомячок. Кажется, его звали Игнат и, кажется, он разговаривал папиным голосом — я его ужасно боялась. Так вот этого Игната я помню гораздо лучше, чем папу.

— Что ты все ездешь? — говорит ему мама. — Ездит, ездит, а толку с гулькин нос! У Вали зимнего комбинезона даже нет!

— Зачем ей зимний комбинезон? — удивляется папа. — Не в Сибири ведь живем.

— Ребенок болеет круглый год!

— Я болею клуглый год! — подтверждаю я.

— А ты ее кутай поменьше.

— А ты меня кутай поменьше!

— А ты мне не советуй! Советчик нашелся.

Разговаривать с мамой — все равно, что со встречным ветром.

— Это все твоя мать. Вчера с моря пришли, у Валеньки губы синюшие, трясется вся! А Елизавета Яковлевна: «Мы русалку ловили, чего вы от нас хотите?»

— Поймали?

— Что? — переспрашивает мама.

— Ну, русалку, поймали? — папа улыбается и достает из рюкзака круглый синий камешек с золотыми прожилками. Он у меня геолог. — Держи, котик Тарасик!

Я хватаю камешек и сую его за щеку — я решила, что это карамелька.

— Ты совсем спятил. Какой она тебе Тарасик? И не суй нам свои булыжники. Валентина, открой рот!

Валентина. Дурацкое, дурацкое имя! Ненавижу его.

Это меня мама так назвала — в честь бабушки, маминой мамы. Ее задавила машина, когда я еще не родилась.

Когда я вырасту, то сменю и имя, и фамилию. Хочу, чтобы меня звали красиво, как всех: Настей или Дашей. Можно еще Полиной. Папа вообще хотел меня Вероникой назвать — в честь одной своей старой знакомой. Очень звучно, но мама не дала.

— Мам, можно мне на море?

— Никаких «на море» — разбирай чемодан. Я в хозяйственный — за шваброй. Увидишь таракана — съезжаем немедленно!

— Его же дихлофосом можно — чик и он труп, — я как раз вижу одного на стене. Черного, он ползет прямо на маму. Я представляю, что это такая необычная черносливина.

СТУЧИТЕСЬ В ЛИЧКУ

Мама у меня ужасно чистоplotная. У нас каждый день дома влажная уборка. Она даже в кафе никогда не ест — брезгует. А в школьной столовой однажды упала в обморок. На дне тарелки у одной девочки из нашего класса лежала расческа, а мама как раз проходила мимо.

В комнату заглядывает хозяйка квартиры, Глафира Леопольдовна. Баба Глаша, как она просила себя называть. Старенькая, ей, наверное, лет триста, не меньше. У нее голова все время трясется, а вместо рта — морщинка. У нашего соседа-тракториста такая собачка в кабине была, с болтающейся башкой — баба Глаша на нее похожа.

— Это вам вторые ключи, Машенька. Если что понадобится — кастрюлька там какая или кипятильник — вы стучитесь четыре раза, — говорит Глафира Леопольдовна своей морщинкой.

— Спасибо, у нас все свое.

Мы уже третий день в городе, а море я вижу только из окна.

Мы живем в хрущевке, на пятом этаже, и вокруг пальмы.

По-моему, когда вокруг пальмы, нужно строить одни дворцы. Из мрамора, например, а лучше из горного хрусталя — он недорогой.

Я бы так делала, здесь же круглый год солнце. И еще американские горки с аквапарком. Тогда будет красиво. Это будет гармония, как говорит наша учительница по изо. Потому что человек должен жить с природой в гармонии. А когда строят из бетона и каких-нибудь шлакоблоков, получается наоборот. Вместо асфальта я бы ничего не клала, пускай везде растут трава и цветы — лучше, если это будут гладиолусы.

Скоро первое сентября, и я пойду в седьмой класс. Каждый день мама ходит устраивать нас в школу. Ее-то сразу взяли — учителем географии, а со мной получились какие-то несостыковки. Школа рядом с домом, но там в классах уже полный набор. Нет мест. Мама хочет, чтобы мы ходили в одну школу, а мне все равно. Мне просто надоело сидеть дома.

В деревне — там не как в городе. В деревне время течет длинно-длинно. Дни медленные, как будто их кто-то тянет за хвост — идут и идут, и никак не кончатся. Я думаю: почему так? Вот сидишь ты в очереди к ухо-горло-носу, сидишь — три минуты, четыре, пять, восемь... Рассматриваешь наглядную агитацию «Профилактика гайморита у детей». Разглядываешь и думаешь: сейчас тебе будут делать пункцию — втыкать иголку в

